

Незамеченные страницы русских в летописи

Борис Инфантьев

Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой... Нужны ли они нам — безродным космополитам или новоявленным гражданам Европы и всего мира? Ответить на этот вопрос можно по-разному. Но то, что для многих русских людей, постоянных или долгосрочных жителей Латвии, такие события и явления как «латвийские маршруты Ильи Муромца» или «Участие русского князя в управлении Ливонией в альбертовские времена», или «Знаменитая речь святого князя Тимофея Довмонта на берегах Двины», «Участие литовско-русского войска в кровопролитных разборках рижских бюргеров и архиепископа с «божьими дворянами» — рыцарями» — все эти сведения намного приближают любого жителя Латвии к месту своего жительства, делают его, с одной стороны, патриотом своей родины, с другой — вселяют в него «радость бытия» — радость и гордость, связанные с пребыванием на той территории, что смежная со Стабурагом, Двиною, Ригой...

И для воспитания патриотизма молодого поколения знание этих подробностей дает гораздо больше, чем пресловутое вывешивание красно-бело-красных флагов венетов и латышей у входа в помещение школьных учебных заведений.

В какой чудесной стране мы живем, где каждый камень свидетельствует о балто-славянских исторических, бытовых, культурных контактах... Разумеется, это не хлеб насущный, но и не излишняя избыточная информация, без которой прожить можно. Как бы то ни было, с людьми любопытными и равнодушными берем в руки полное собрание русских летописей, благо наши предки позаботились о таком роскошном издании, и попытаемся их

полистать, отыскивая еще малоизвестные или позабытые события далекого прошлого.

Что же происходило на территории будущей Ливонии, то есть на территории, обжитой различными финно-угорскими племенами — «чудь» в русских летописях, далее «ливь» или «либь» (встречаются другие варианты написаний), «летигола» или «латыгора» — как тут не вспомнить теперь уже нам хорошо известную пленницу — женщину-богатыря Латигорку, которая поначалу одолевает самого Илью Муромца, затем обманом все же побеждена, но не убита, а за дань не только отпущена, но и стала русскому богатырю верной супругой, рожая после каждого сбора дани сыновей Михаила и Подсокольника, и дочерей, также не менее знаменитых богатырей, побеждающих всех русских богатырей, только отец может с ними справиться). Далее русские летописи называют «сель», «зимиголу», «корсь».

Увы, как это ни странно, сведений не так уж много, как хотелось бы. Хотя, по словам Карамзина (а он слов на ветер не кидает), коренные жители у Янтарного моря и по берегам Двины (так называли древние латышские племена эту реку, откуда русское ее название и немецкое «Düna»; латыши же пользуются литовским названием — «Даугава», обозначающее «много воды») со времен Владимира Святославовича — святого и равноапостольного — платили дань русичам (от слова «Русь» — название северного финно-угорского племени, наподобие однословным омонимам «весь», «воть» «чудь», «ливь», где варяжский князь Рюрик стал властителем с самого начала своей агрессии, впоследствии распространенной на восток, на Новгород, и на юг, на Киев, — от чего «Русская земля стала есть»).

Почему же русские летописи о первоначальном покорении чуди, либи и летиголы почти ничего не говорят? Да просто потому, что в те послевадимирские годы на повестке летописных интересов прежде всего была переходящая все возможные границы междуособица русских князей, стремление выставить «своих» — праведниками, а «чужих» — главными носителями зла и порока. В то же время миролюбивая либь и летигола не только охотно платила русским князьям (Полоцкому и Псковскому) дань, но и способствовала формированию собственной государственности, возникновению уже таких полудваряжских, полурусских, а может быть даже полудатышских образований, которые умели оставаться в стороне от русской княжеской междуособицы.

Увлеченные выяснением княжеских отношений и стремлением представить интересы и поступки своих князей как справедливые и Богу угодные, летописцы не тратили время и труды на незначительные события, которые не вызывали ни кровопролитий, ни различных других неурядиц. И так случилось, что бурные события, происходящие тут же под боком в Пскове и Полоцке, остались совершенно не тронутыми летописцами вплоть до начала XIII столетия. А ведь существовало такое мощное государственное образование как Ерсика, как Кокейнос, как Талава со своими князьями, и, что самое главное, со своим православным духовенством, хотя на всем протяжении существования православия ни у одного духовного лица не возникало стремления писать местную летопись.

Причина тому, очевидно, — отсутствие междуособиц, борьбы за власть в своих богоспасаемых уголках страны посреди бушующих страстей.

Из всех населяющих рассматриваемую территорию племен самыми неуживчивыми, самыми строптивыми была чудь. Ей и принадлежит честь первой украсить страницы русских летописей своим именем, своими событиями.

В разных русских летописях под 1030 годом отмечено: Ярослав Мудрый (в крещении Юрий — отсюда название нового города) «снова победил чудь» — следовательно, чудь не так уж покорна, как либь и латигола, платившие дань русским князьям! — и основал город Юрьев», надо полагать, самое близкое к Пскову, достигаемое водными путями, наиболее населенное место в этом регионе.

На всем протяжении XI века и впоследствии Юрьев играл важную политическую роль в истории Ливонии, о чем частично будет рассказано далее.

Следующий по времени памятник письменности, правда, не летописный и написанный на камнях, тоже в какой-то мере входит в серию рассматриваемых нами явлений. Это надпись на Ницгальских камнях, на которую первый обратил внимание уже Сапунов, а вспомнили об этой надписи только после того, как о ней заговорили латышские краеведы в издании В. Вилеруруши «Книги Даугавы» («Daugavas grāmata»).

Примечательна судьба самой Ницгале: в 1275 году эта местность вместе с прилегающими территориями со смешанным латышско-литовско-восточнославянским населением была подарена полумифическим князем Константином Рижской Богоматери, за что он получил похвалу и благословение самого папы Иннокентия IV.

Надпись на камнях, кстати, не нашедшая никакого отражения в летописях, гласит:

«ДА НЕ УБОИТСЯ ДУША МОЯ ВРАГА МОЕГО, ЯКО ТВЕРДОЮ СТОПОЮ РУКОЮ ДЕСНИЦЫ ОТРАСЛЬ СВЯТОПОЛКА. АЛЕКСАНДР»

По толкованию Сапунова, в надписи сей речь идет либо о Святополке Владимировиче (Окаянном), огнем и мечом опустошавшем все российские округи, либо о Святополке — Михаиле Изяславовиче (княжил с 1093 по 1112), князе Киевском и Новгородском, который вместе с Владимиром Мономахом воевал с Полоцком (по Карамзину, II, VI, столб. 63-64) не позднее 1094 года. Если Ницгальские камни как-то до сих пор не попадали в сферу интересов историков и не идентифицированы с летописными повествованиями, то этого отнюдь нельзя сказать о Борисовских камнях, известных нам даже в изображениях по публикации в книге Олега Пухляка и Дмитрия Борисова «Русские в Латвии»:

«ПОМОГИ, ГОСПОДИ, РАБУ ТВОЕМУ БОРИСУ».

Расшифровка этой надписи исследователями найдена в летописи (Полное собрание русских летописей — далее: ПСРЛ, 1, с.120) под 1106 годом в лаконичной записи:

«Месяца февраля в 17 день победиша зимагола («земигола») Всеславичи (один из них был Борис) всю братию и дружину, убиша 9 тысяч». Так завершилась первая и единствен-

ная попытка русских князей, отправившихся на полюдь в земиголу!

Что касается числа погибших, то летописцы имеют тенденцию всегда преувеличивать. Но вот что печально. За все тысячелетие потомки так и не додумались установить 17 февраля днем памяти девяти тысяч русичей, погибших на полях сражения в Земигалии. А если бы установить места битвы, хотя бы по массовым останкам убиенных (по массовому скоплению русского оружия это установить вполне возможно), то и не худо было бы воздвигнуть мемориальную стелу на месте их гибели. Это была бы и память по погибшим, и слава мужеству и храбрости земгальцев.

Платила ли чудь все последующие сто лет Киевскому князю или нет, — покрыто мраком неизвестности, и только в 1116 году летописец повествует о новом покорении чуди князем Мстиславом Владимировичем, сыном Владимира Мономаха, который дважды победил чудь на сей раз у Медвежьей Головы, которая с этого времени стала плацдармом нападения русичей на эстонские земли (ПСРЛ III, с.5).

Но составители русских летописей — не столь уж кровожадные монахи, чтобы обращать свое внимание только на события, где льется кровь. А под следующим, 1117 годом, — радостная весть о том, что у князя Рюрика Ростиславича на пути из Новгорода в Смоленск родился сын Михаил. Произошло это в Лючине, который и Карамзиным, и Болеславом Брежго идентифицируется с Лужей (Люцином). В честь этого события в Лючине сооружен храм во имя архангела Михаила (Тайванс Л. По Латгалии, М. 1981, с. 146-147). Следовательно, в начале XII века православные храмы были не только в Ерсике, Кокнесе и Талаве.

Все же военные события берут верх и в дальнейших повествованиях русских летописцев. И снова беспокойная чудь проявляет свое непокорство. Что значит чуждая раса и языковое несоответствие чудского и славянского в отличие от близкородственного славянского и латигалского. Правда, и по Двине была чуждая в языковом отношении народность — ливы, но, очевидно, их миролюбие определялось миролюбием столь родственной славянам латиголы.

Но возвратимся к летописям. Под 1121 годом Псковская 3-я летопись повествует: Мстислав с новгородцами снова взял ту же самую Медвежью Голову и подошел к Юрьеву, оказавшему, очевидно, неповиновение. Недаром

Карамзин имел все основания утверждать, что чудь была не особенно сознательным плательщиком дани.

Через новое десятилетие, на сей раз в 1134 году, следует вновь «покорение мятежной чуди и взятие Юрьева», на сей раз осуществленное новгородским князем Всеволодом.

Но вот в 1176 году произошли невиданные и неслыханные до сих пор события. И уже не новгородцы «усмиряют» мятежную чудь, а совершенно наоборот, мятежная, с точки зрения русских летописцев, чудь осадила Псков! И непрерывно беспокоила порубежные земли. И только через 4 года, в 1180 году, Мстислав Новгородский с 20000 воинов (цифра вновь невероятная, что для русских летописей весьма характерно!) ополчился, чтобы отомстить дерзким захватчикам. Но чудь «скрылась» и князю пришлось ограничиться одним лишь опустошением их земель «до самого моря» и многочисленной добычей в виде скота и пленников.

Под тем же 1180 годом появляется информация о латышах, причем совершенно отличающаяся от постоянной информации о чуди прежних лет, о непокорной и мятежной чуди. Латыши (правда, они фигурируют здесь под именем Литвы) оказываются не врагами, а союзниками русских князей. А именно: Ипатьевская летопись (ПСРЛ II, с. 620) сообщает:

«И придоша полотский князь и в стретение, помогающее Святославу Васильковичу, Брячьслав из Витебьска, брат его Всеслав с полочаны, с ними же бяхуть и либь, и Литва».

Чудь же в 1190 году (снова спустя 10 лет) вновь пришла на судах к Пскову, но и на этот раз псковичи не отпустили ни одного живым. Юрьев был поначалу снова захвачен чудью, но затем отвоеван новгородцами и псковичами в следующем, 1191 году. Причем, по обычаю, земля чудская была пожжена, полону приведено было бесчисленное множество, а в следующем, 1192 году, псковичи снова ходили на чудь и взяли Медвежью Голову (в который уже раз!).

Анализируя все то, что нам говорят письменные источники древнейшей поры, в глаза бросается диаметрально противоположная картина взаимоотношений восточных славян, с одной стороны, а с другой, — с чудью и с конгломератом ливов и латиголы, или латигоры, однажды названной Литвой. Сказывается ли здесь генетическое родство и языковое (а в силу этого и мифологическое, и фольклор-

ное родство славян и балтов, и существенные различия славян и финно-угоров?). Но как же быть в таких случаях с ливами? Или они уже в такой степени ощутили балтийское влияние своих соседей, что хотя и говорят на непонятном языке, но думают уже балтийскими категориями? Ведь, с другой стороны, как раз в латышском языке мы ощущаем сильное влияние (еще недостаточно оцененное) ливского языка, особенно мифологии и фольклора. Ведь недаром говорится, что латыш — это заговоривший по-литовски лив. Выше мы указывали на один случай, отмеченный русским летописанием, когда не русские на чужь, а чуждины нападали, правда, весьма безуспешно, на Псков. Об аналогичных нападениях латыголы русские летописи хранят гробовое молчание, хотя такие также бывали, а летописец Генрих Латвийский называет даже имена отважных героев, действовавших по благословению и указке крестоносцев. Правда, происходило это уже в 1219 году, то есть после того времени, которое мы назвали древнейшим. Но для полноты картины нарушим несколько «условия нашей игры».

Так вот, в этом году орденские вассалы Мелуке и Варигрибе (не сказано, какие регионы Ливонии они представляли), которые в отместку псковичам за «полюдь» в предыдущем году в их земли отправились на Русь и там обычно «грабили, убивали, брали в плен и возвращались с большим грабежом». Но на этот раз традиционные формулировки Генриха Латвийского дополняются новыми необычными примечаниями, ради которых, собственно говоря, мы и решили включить сюда этот эпизод:

«И они забросили свои лемехи, жили в русской земле и, нападая на них и не давая им покоя, отнимали у них лошадей, скот и женщин». Но там же говорится об иных примечательных фактах, связанных с этой эпопеей. Псковичи, разумеется, не преминули появиться с такими же акциями на земле Мелуке и Варегруббе, и магистр Ордена, разумеется, призвал «леттов» изгнать оттуда псковичей. Но «летты» решили, что мало выгоды от преследования русских и на призыв магистра не откликнулись. Бывало, и такое случалось. Почему ни в Кокнесе, ни в Тарту нет памятника Вячеславу, или Вячке, героическому защитнику вольностей от немецких пришельцев — колонизаторов, «мигрантов и оккупантов» немецких крестоносцев? — героическому бой-

цу и защитнику родных очагов от «мигрантов и оккупантов» немецких крестоносцев — полуреальному, полумифическому (так и не знаем его рода-племени, даже о его родном языке ученые спорят, называя не только латышский, древнерусский, но и варяжский). Аполлон Коринфский воспел подвиги Вячко в пространной эпопее. Его подвиги в Кокнесе хорошо известны по Девятой хронике Генриха Латвийского. А вот апофеоз его героической славы — защита Юрьева и героическая гибель в нем как-то остался в сторонке, хотя этот эпизод русско-ливонских отношений и является одним из тех немногочисленных, на которые свое пристальное внимание обратили и русские летописи.

Диву даешься, размышляя о том, что составители летописей, от времени к времени фиксируя мимолетные схватки, возникавшие у новгородцев с чужью «белоглазой», просмотрели кровавую и трагическую судьбу своих соотечественников здесь же, неподалеку, почти совсем рядом, — с Полоцком, где, по меньшей мере, с XI века, а по словам предания и раньше, уже с X века, процветали и вели солидный торг с русичами вассальные от Полоцка и Пскова государства: Ерсика, Кокейнос (Кокнесе), Талава, в которых стояли православные церкви, которые потом «христолюбивое» воинство «дворян Божиих» — меченосцев, а затем братьев Ливонского ордена неоднократно грабили, о чем существуют достоверные свидетельства Генриха Латвийского.

Чтобы устранить этот пробел в русских летописях, приводим далее в виде исключения и для сравнения обстоятельное и эмоциональное повествование Генриха Латвийского о финальном эпизоде героического подвига бывшего Кокейносского князя Вячко, подлинное наименование и генеалогию которого исследователи до сих пор так и не установили.

Пристального внимания заслуживают и предыдущие деяния этого мужественного и воинственного защитника русских интересов в Ливонии. Однако этот эпизод уже опубликован в историко-публицистическом журнале для юношества «Клио», поэтому здесь привожу почерпнутый из генриховской хроники материал о героической защите от крестоносцев Юрьева с засевшими в нем эстонскими и русскими повстанцами и дружинниками князя, а также помощников ему из различных русских областей.

Аполлон Коринфский, знаменитый поэт,

популяризовавший среди юношества в начале XX века русский героический эпос, посвятил князю Вячко, его героическим подвигам, в том числе и Юрьевской защите, поэму.

Тартуская эпопея Вячко началась, как свидетельствует Генрих Латвийский, осенью 1223 года, когда новгородцы «прислали» князя Вячко, бывшего кокейносского властелина, после изгнания нашедшего пристанище не у своего сюзерена — князя Полоцкого, а в Новгороде, с деньгами и двумя сотнями ратных мужей. Юрьевцы встретили князя «с радостью» (эта квалификация, разумеется, из русских летописей), надеясь быть более сильными в борьбе с немцами, и платили ему дань с окружающих земель. «И кто ему дани не давал, тот округ он опустошал и делал христианам большое неудовольствие». Это уже Генрих Латвийский (XXVII, 5). Летом 1224 года князь Вячко и угунянам, и сакальцам, и эстам был как «петля на шее» (XV, XXVIII, 2).

Епископ посылает к князю послов и просит его уйти из замка «восставших оскорбителей христианского таинства», которые «отказались от веры христианской, вернулись в язычество, убили своих господ — братьев Ордена, изгнали или пленили их, опустошили землю христиан». Но князь не внял сим прочувственным увещаниям епископа, не пожелал уходить, «поскольку новгородцы ему эти земли подарили навечно и обещали защитить от нападения немцев».

Генрих Латвийский не находит достаточно крепких и выразительных слов, чтобы опорочить этого «врага церкви христовой».

«В этот замок собрались все преступники из окружающих земель, предатели и убийцы орденских братьев и купцов. Сам князь — корень всякого зла в Ливонии». Но справиться с князем и его дружиной было не так-то просто. Дело в том, говорит Генрих, что «крепость была самой мощной из всех эстонских крепостей, ибо орденские братья ее сильно укрепили и оснастили всем необходимым оружием. В распоряжении князя много своих русских стрелков из лука, и они по сапсальскому образцу сами изготовляли оружие» (XXVIII, 2).

Осада Юрьева, юрьевской крепости принадлежит к одному из самых трагических эпизодов русско-ливонских военных взаимоотношений первой половины XIII века, по оценке и Генрихом Латвийским, и русскими летописями (ПСРЛ, III, с. 39), и русской эпической лирикой (Аполлон Коринфский «Вячко»).

15 августа — день Успения Богородицы, у современных католиков — день вознесения Девы Марии на небеса, уже с древних времен праздновался в Ливонии как день Ливонской королевы Девы Марии. В этот день и ливонские крестоносцы обычно начинали свои праздничные акции. Так было и на этот раз. 15 августа 1224 года (знаменитое число — год битвы на Калке, по одним счислениям!) началась осада Юрьевской крепости. Делали подкопы, вал обвалился; князю обещали свободный путь с его дружиной, лошадьми и всем имуществом, Вячко надеялся на обещанную новгородскую помощь и ни на какие уступки не соглашался. В крепость вернулись русские отряды, которые посланы были опустошать окрестности. Многих защитников крепости немцы решили на городских стенах убивать метательными снарядами: бросали раскаленное железо или сосуды с огнем, чем очень напугали защитников крепости. Осада длилась несколько дней.

Днем и защитники, и осаждающие сражались, ночью играли и кричали: ливы и летты стучали мечами по щитам и кричали, немцы били в барабаны и играли на дудках, русские на своих инструментах. Начальник осаждающих Фредехельм пообещал первому, кто войдет в крепость, — коня и самого знатного пленника. Самого князя решили было повесить на виселице превыше всех.

В девятом часу немцам, наконец, удалось зажечь замок. В стене защитники образовали брешь, через которую посылали на осаждающих, в их башню огненные колеса. Но христиане быстро тушили эти огненные колеса» (XXVIII, 5).

Первыми взобрались на крепостную стену двоюродный брат Альберта Иоганнес из Апельдерны и его холоп Петр. Убитых было тысячи. Русские сопротивлялись дольше всех. Из-за защитной стены их вытаскивали и убивали. Так управились со всей двухсотенной русской дружиной князя. Только вассала Суздальского князя Георгия Всеволодовича послали в Новгород и Суздаль с вестью о случившемся. Взяли русское оружие, лошадей, живых еще женщин и детей, зажгли замок. Новгородцы дошли только до Пскова и собирались идти на помощь, но узнав о случившемся, вернулись восвояси. Эстонцы подчинились епископу.

«А между тем немцы действовали: в роковой 1224 год, когда Южная Русь впервые узнала татар, на западе пало пред немцами первое и самое крепкое поселение русское в Чудской

земле — Юрьев, или Дерпт. Здесь начальствовал в это время тот самый князь Вячеслав, или Вячко, который принужден был немцами покинуть свою отчину Кукейнос. Вячко хорошо помнил обиду и был непримиримым врагом своих гонителей: брал он дань со всех окружающих стран, говорит немецкий летописец, а которые не давали дани, на те посылал войско и опустошал, причиняя немцам всякое зло, какое только было в его власти, в нем находили себе защиту все туземцы, восстававшие против пришельцев. Это особенно возбуждало злобу последних к Вячку; наконец решились они собрать все свои силы, чтоб овладеть ненавистным притоном, где, по словам их летописца, собраны были все злодеи, изменники и убийцы, все враги церкви ливонской, под начальством того князя, который исстари был корнем всех зол для Ливонии. Отправились под Юрьев все рыцари ордена, слуги римской церкви, пришлые крестоносцы, купцы, граждане рижские, крещеные ливы и летты, и 15 августа, в день Успения Богородицы. Юрьев был осажден. Немцы приготовили множество осадных машин, из огромных деревьев выстроили башню в уровень с городскими стенами, и под ее защитою начали вести подкоп; ночь и день трудилась над этим половина войска, одни копали, другие относили землю. На следующее утро большая часть подкопанного рухнула и машина была придвинута ближе к крепости. Несмотря на то, осаждающие попытались еще завести переговоры с Вячко: они послали к нему несколько духовных особ и рыцарей предложить свободный выход из крепости со всею дружиною, лошадьми, имением, если согласится покинуть отступников-туземцев; Вячко, ожидая прихода новгородцев, не принял никаких предложений. Тогда осада началась с новою силою и продолжалась уже много дней без всякого успеха: искусство и мужество с обеих сторон было равное, осаждающие и осажденные равно не знали покоя ни днем, ни ночью: днем сражались, ночью играли и пели. Наконец, немцы собрали совет: двое вождей пришлых крестоносцев, Фридрих и Фредегельм, подали мнение: «Необходимо, — сказали они, — сделать приступ и, взявши город, жестоко наказать жителей в пример другим. До сих пор при взятии крепостей оставляли гражданам жизнь и свободу и оттого остальным не задано никакого страха. Так теперь положим: кто из наших первый взойдет на стену, того превознесем почестями, дадим

ему лучших лошадей и знатнейшего пленника, исключая этого вероломного князя, которого мы вознесем выше всех, повесивши на самом высоком дереве». Мнение было принято. На следующее утро осаждающие устремились на приступ и были отбиты. Осажденные сделали в стене большое отверстие и выкатили оттуда раскаленные колеса, чтоб зажечь башню, которая наносила столько вреда крепости; осаждающие должны были сосредоточить все свои силы, чтоб затушить пожар и спасти свою башню. Между тем брат епископа Иоганн фон Аппельдерн, неся огонь в руке, первый начинает взбираться на вал, за ним следует слуга его Петр Оге, и оба беспрепятственно достигают стены; увидав это, остальные ратники бросаются за ними, каждый спешит, чтоб взойти первому в крепость, но кто взошел первый — осталось неизвестным; одни поднимали друг друга на стены, другие ворвались сквозь отверстие, сделанное недавно самими осажденными для пропуска раскаленных колес; за немцами ворвались летты и ливы и началась резня: никому не было пощады, русские долго еще бились внутри стен, наконец были истреблены; немцы окружили отовсюду крепость и не позволили никому спастись бегством. Из всех мужчин, находившихся в городе, оставили в живых только одного, слугу князя суздальского: ему дали лошадь и отправили в Новгород донести своим о судьбе Юрьева, и новгородский летописец записал: «Того же лета убиша князя Вячка немцы в Гюргеве, а город взяша».

Соловьев С. — История России с древнейших времен.

XIII — XIV века нельзя рассматривать как непрестанные войны псковичей-новгородцев с Ливонией. Были и светлые проблески в этой кровавой безжалостной эпопее. Об одном из таких повествует Первая Новгородская летопись (ПСЛР III, с. 43) под 1228 годом.

«Тем же лете князь Ярослав преже сеи рати поиде в Пльсков, с посадником Иванком и тысячьским Вячеслав, и слышавши Пльсковичи яко идеть к ним князь, и затворишася в городе, не пускаша к себе; князь же постояв на Дубровке въспятися в Новгород промькла бо ся весть бяша си в Пльскове, яко везеть оковы хотя ковати вящшее мужи и пришьд створи вече в владичьни дворе, и рече: яко не мыслил есмь до Пльскович грубо ничего же, нъ везл есмь был в коробьях дары, паволокы и овоци, а они мя объечьствовили; — и положи на них жадобу велику. Тьгда же приведе пьлки

из Переяславля, а река: хочю ити на Ригу. И стаща около Городища шатры, а инии в Славнее по двором, и въздоророжища все по търгу, и хлеб, и мясо, и рыба, и оттоле ста дороговь: купляху хлеб по 2 куне, а кадь ржи по 5 гривне, а пшеницю по пяти гривнъ, а пшено по 7 гривнъ; и тако ста по 3 лета, то же слышавъша Пльсковици яко приведе Ярослав пълки убо явшееся того, възяша мир с Рижаны. Новгород выложивъше, а рекуче: то вы, а то Новгородци, а нам ненадобе; но оне пойдуть на нас, ть вы нам поможте, и они рекоше: тако буди и пояше у них 40 мужей Мужь в талбу. Новгородци же уведавъша, рекоша: князь нас хочеть на Ригу, а тот ити на Пльскав.

Тьгда же князь посла Мишу в Пльсков река поидите съ мною на путь, а зла до вас есмь не мыслил никоторого же, а тех ми выдаите, кто мя обадил к вам, и рекоша Пльсковици, приславъше Гръчина: Тобе ся, княже, кланяем и братьи своеи не выдаем, а съ Рижаны есме мир взяли; к Кольваню есте ходивъше серебро поимали, а сами поидосте в Новгород, а правды не створисте, города не взятьи, а у Кеси такоже, а у Медвеже Голове такоже, а за то нашу братью избища на озере а инии поведении; а вы раздравше та прочь; или есте на нас удумали? Ть ми противу вас съ святою Богородицею и с поклоном, то вы луче погани; ть вам ся кланяем. Новгородци же князю рекоша мы без своя брата, без Пльсковици, не имеемся на Ригу, а тобе ся, княже, кланяем много же князь нудив, и на яшася по путь. Тогда же князь Ярослав пълки своя домовь посла. Пльсковици же тьгда бяху подвегли Немци и Чудь, Латыголу и Либь, и отпустиша я опять, а тех кто имал придткъ у Ярослава выгнаша из Пльскова: поиде по князи своем, нам есте не братья».

(Краткий пересказ в Первой Псковской летописи.)

Событие это интерпретируется русскими историками как пример и объяснение тому, почему русским — новгородцам, псковичам вкупе с половчанами и витеблянами (впоследствии входящими уже в состав Великого Княжества Литовского) так и не удалось вплоть до Ивана Грозного одолеть Ливонское государство: разобщенность и разногласица. Приведенный летописный рассказ тому наилучшая иллюстрация.

До 1266 года на берегах Двины-Даугавы (напомним: первое название латышское, принятое и русскими, и немцами, второе — ли-

товское, «много воды», — принятое латышскими) псковичей видели либо как врагов (и чего греха таить: весьма безжалостных), либо как послов, прибывших на мирно-торговые переговоры, либо как мирных купцов-торговцев. Но чтобы псковичи стали сражаться со своими исконными врагами — литовцами на берегах Двины-Даугавы! Такое случалось, правда, только однажды именно в названном году.

В IV Новгородской (ПСРЛ IV, с. 40) и 1-й Псковской (IV, с. 181) летописях читаем:

«Князь Домонт (Даумантас) с дружиной своей и со всем родом своим оставил отечество свое землю Литовскую и прибеже в Псков и крестись с своими бояры в церкви събогнеи святей Троицы, и нарекоша имя ему в святом крещении Тимофеи. И бысть радость велика Псковичам, и посадиша его на княжении в своем граде Пскове. Того же лета Домонт со Псковичи с тремя девяносты пле на землю Литовскую, и княгиню Герденеву с двема сыны полони, и все княжение повоевав, и възвратися к своему граду с множеством полона: и перебродився Двину, отъехавши за пять верст, и истрави шатры на бору чисте, а сторожи постави на Двине, два же девяноста мужи отровади с полоном в Псков, а во едином девяносте сам ся оста, ждя по себе погани. Гердень же с своими князи приехавша в доми своя, аж домы и села их вся пленена; ополчивша Гердень, и Готарт, и Люмби, и Люгайло в семисот мужь, погнаша в след Домонта, хотяши руками яти и лютой смерти предати, а Псковичь мечи изсечи; и перебродишеся Двину реку, и стаща на брезе, и стражи видевшее их прогнаша, поведаша Домонту: «рать перебродишася Двину». Домонт же рече Давиду Якуновичю и Луке Литовнику: Помози нам Бог, оже есть устерегла ли рать велику; поидета с конь домовь». Они же реща: «Не идем, хрщем живот свой дати на славе и кровь свою пролитии за святую Троицу, а ты, господине, поиде борзо из поганую Литву». Домонт же рече Псковичам: «Братье мужи Псковичи. Кто стар, то отець, а кто млад, то брат! Слышал есмь мужество ваша во всех странах; се же нам предложит живот и смерть, потягните за святые церкви. И ехав, Домонт едином девяностам Божею силою и святого мученика Леонтия, супротивных враги семьсот истреби; ту убьен бысть князь Литовский Готарт, и князи мнози избища а иная Литва в Двине истонеша, а 70 мужь Двина изверже на остров Гайдов, а Гердень убежа, а Псковитина единого убища Он-

тона Лочкова. И приехала в Пскове с многою корыстию».

Святой благоверный князь Домант родом из Литвы. Спасаясь от преследования погруженных в мрак язычества и полных ненависти друг к другу своих родственников, Домант, тоже еще язычник, — пришел во Псков, куда вместе с ним прибыли его семейство и дружина. Все они были тоже язычниками. «Но, когда Бог», замечает летописец, «восхотел избрать людей новых и вдохнул в них благодать Святого Духа, то Домант как бы проснулся от глубокого сна, отвратился от идольского служения и пожелал принять святое крещение. Тогда обрадовались псковичи, и Домант торжественно крещен был в Троицком храме с переименованием языческого имени в Тимофея». Этот подвиг князя показал псковичам, что недавно прибывший князь не желает возвращаться на родину, напротив, принятием христианства совершенно отделился от нее. Эти мысли укреплялись у псковичей тем, что примеру его последовали как прибывшие его родственники, так и его дружина, все они также приняли христианство. И сам Домант не по имени только сделался христианином, а на первых же порах обнаружил особенное усердие к новой святой вере. В год своего крещения он построил церковь в честь соименного святого Тимофея. Поэтому псковичи, зная Доманта еще язычником как князя храброго и доблестного, предложили ему остаться навсегда у них, а по смерти Святослава Ярославича занять княжеский престол во Пскове. Это было в 1266 году. Новгород не мог еще окончательно примириться с мыслию о независимом существовании бывшего своего пригорода. На юге языческая Литва из своих священных роц делала постоянные набеги на псковские земли. С севера постоянною грозою были ливонские рыцари, распространявшие христианство между соседнею Чудью более мечом, чем проповеданием Слова Божия для ознакомления их с тайнами христианского учения. Мирные, преимущественно торговые, занятия во Пскове постоянно прерывались или нападениями на Псков неприязненных соседей, или походами псковичей в чужие земли, с целью обезопасить себя от вторжения своих враждебных соседей. Домант хорошо был знаком с положением Пскова и не скрывал от себя, что особенно раздраженные его удалением литовцы не оставят Пскова в покое, а потому, вскоре по занятии им псковского престола, он с своей дружиной

и псковскими войсками предпринял поход в литовскую землю, которая была им вся завоевана, жители взяты в плен и с ними супруга отсутствовавшего на это время князя Герденя, тетка Доманта Евпраксия с детьми. С множеством добычи и пленных псковское войско направилось обратно через Двину.

Прошед 5 верст от нее, Довмонт отослал большую часть своего войска в Псков вместе с пленными, а сам с 90 человеками намеревался следовать за ним, как в это время стражники сообщили ему, что их настигает большое литовское войско в 700 (а по некоторым данным, в 800) человек, под предводительством самого литовского князя Герденя. Казалось, трудно было рассчитывать на какое либо спасение от мести раздраженного князя. Но Домант здесь оказал свою глубокую преданность новой вере и истинную любовь и уважение к своим новым соотечественникам. «Братья мужи псковичи — обратился к ним князь, — кто стар, тот отец, а кто млад, то брат! Слышал мужество ваше во всех странах, братья! предложит нам живот или смерть. Братья мужи Псковичи, потянете за Святую Троицу, и за святые церкви и за свое отечество».

Эти слова были надолго, даже по смерти князя, воодушевляющими словами в бранях псковичей с их недругами. Ко времени предстоявшей встречи с вооруженным и дышавшим мстью Герденем, по словам летописца, приспе день великого и славного воеводы мученика Христова Леонтия, месяца июля 18, и благоверный князь сказал: «Святая Троице и святой великий воевода Леонтий и благоверный князь Всеволод! помозите нам в час сей на супротивные враги!» Слова Доманта воодушевили псковичей, и Домант с 90 воинами разбил 700 человек литовского войска. В числе убитых был литовский же князь Готорн и другие, и с ними много потонуло литовского войска в Двине, у псковичей же убит был один только воин, а остальные с радостию и большою добычею прибыли в Псков. Не малая опасность псковичам угрожала и от своих старших братьев, новгородцев, которым небывалый пример, что князем на русском престоле сел Литвин, а не потомок Владимира Святого, оказался зазорным, и не столько для них, как для князя их Ярослава. Он предложил новгородцам идти на Псков войною и выпнать оттуда Доманта; однако новгородцы воспротивились этому. По всей вероятности, они, хорошо еще раньше знакомые с му-

жеством и опытностью в военном деле князя Доманта и храбростью псковичей, не могли не предвидеть неблагоприятного для них исхода из этой междоусобной братской войны. При этом новгородцы рассчитывали и на то, что Домант, имевший уже несколько битв с тевтонскими рыцарями, защищая псковские границы от их вторжения, в то же время будет надежным защитником и их собственных границ. Псковичи же для большого скрепления союза с Новгородом и его князьями испросили для Доманта руку внучки святого Александра Невского Марии Дмитриевны.

Нельзя было сомневаться, что литовцы будут помнить поражение, нанесенное псковичами при реке Двине и что Гердень предпринет меры к возмещению или остановится в своей местности. Поэтому Домант не медля решился предупредить ожидаемое со стороны Литвы вторжение; снова собрав войско, он предпринял поход в Литву, опустошил ее, а в одной из стычек был убит Гердень.

Чудеса в дни начала Ливонской войны

Ливонская война была богата знаменами, чудесами, проявлением воли Господней на протяжении всех 20 лет этого эпохального события, приведшего к гибели Ливонского государства. Чудеса как бы предвещали эту развязку существования противоестественного государственного образования, волею судьбы предназначенного для существования в тесном единстве с балто-славянским массивом, языком и обычаями, столь близкими и родственными коренным славянам.

О силе действия чудотворных икон Богоматери и святителя Николая летописи рассказывают в связи с 1558 годом — годом начала Ливонской войны. «Ругодив загорелся от того, что чюдин варил пиво, да образ чюдотворца Николая тот чюдин под котел, и от того пламень шибся и весь город выгорел, а образ «сблюдесе цял» Воевода Афанасий Басманов взял град и тут же в городе нашли пречистыя Богородицы образ Одигитрия и Николая образ в пепелу цялы. Того же месяца взяли Сыронец городок и Адож городок (это не латышские Адажи!) «А то ть образ чюдотворныя царь и великий князь велел богомольцу своему ар-

хиепископу Пимену послати из Новагорода юрьевского архимандрита Варфоломея около городов Ивангорода и Ругодива со кресты ходили и молебны пъли и церкви освещали, и за тьми образы и до Новагорода послъдовали. Новгородский Пимен с боярами встретил ть образы у скудельницы, а на Москвъ царь и митрополит».

Достоверно известно, что во время осады русским войском Нарвы, принадлежащей Ливонскому ордену, 11 мая 1558 года в Нарвской крепости случился сильный пожар. Выгорел почти весь город. Так что русские без труда переправились через реку Нарову и пленили немецкий гарнизон, взяли город, а пленников потом отпустили. Когда жители стали искать причину страшного бедствия, то открылось следующее чудесное явление. Псковская летопись гласит: «Того же лета, Божиим гневом загорелся немецкий Ругодив (древнее название Нарвы), месяца мая 11 день, а сказывают от того: варил чюдин пиво, да образ Чудотворца Николая тот чюдин под котел подкинул, и от того пламень шибся и весь город выгорел, а образ соблюдесе цел. И наши воеводы с Ивангорода Алексей Басманов с товарищи видев ту их гибель, Божиим гневом, и вскоре прешли реку Нарову, и, приступив, взяли город; а немец отпустиша и чудь из града, и туто же нашли Пречистыя Богородицы образ Одигитрия Пятницу и Николин образ в пеплу целы» (Сказания князя Курбского. Часть 1. Цит. По кн.: Петров А. Город Нарва. Его прошлое и достопримечательности. СПб, 1901, с. 74-75).

Участие латышей в военных действиях Ливонского двадцатилетнего похода Ивана Васильевича — мало или почти совершенно не исследованная тема. На нее как на существенную и важную указывал в свое время председатель общества русских историков Латвии Ершов. И она до сих пор так и не изучена. Однако, что такой поворот в исследовании вполне возможен, об этом свидетельствует отметка у Карамзина, почерпнутая им из Архивной летописи (лл. 312–314): «Прибежали к воеводам два латыша, а сказали, что майстер и бискуп от Керпети побежали, и воеводы отпустили воеводу же А.И. Шеина, да Дан. Ф. Адашева из Керенети (..) и пошли за ним же».